

73-3
3521

73-3

3521

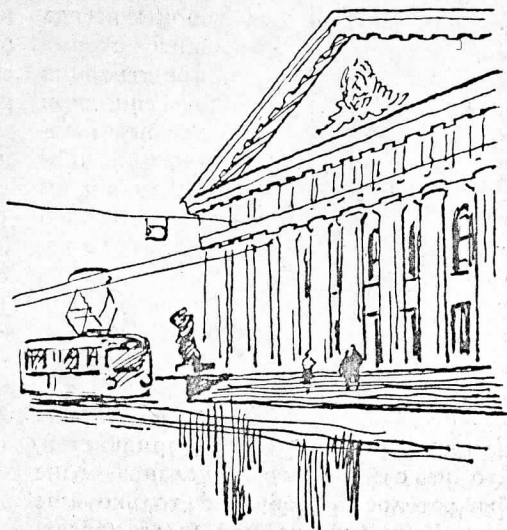
БЕЛЫЕ НОЧИ

ОЧЕРКИ, ЗАРИСОВКИ, ДОКУМЕНТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

Белые ночи. — Л.: Лениздат,
1973. — С. 232-256.

ОТДЕЛ
Гос. библ. им. В. И. Ленин
Библиотека им. В. И. Ленин

115
Г-37

Варвара Герасимова

Молодой Плеханов

232

«...Перед всем Петербургом,
перед всей Россией!»

Такого революционная Россия еще не знала: намечено провести открытое выступление в столице рабочего класса — пролетарскую политическую демонстрацию!

И не на окраине — где-нибудь на Гаванском поле, — а в центре, на Невском, непременно в праздничный день, на виду у всего Петербурга: «...такую, которая своим резко революционным характером совершенно затмила бы демонстрацию интелли-

гентов» (студенческую демонстрацию весной того же, 1876 года, во время похорон студента-революционера Чернышева, умершего от нанесенной в тюрьме чахотки).

Было решено формой демонстрации избрать гражданскую панихиду памяти Николая Гавриловича Чернышевского в день «зимнего Николая», 6 декабря. Местом — площадь у Казанского собора на Невском проспекте. Демонстрация должна пройти под красным знаменем. На знамени выпить призывные слова: «Земля и воля».

...Расходились за полпочь, в тревожном и радостном волнении — до демонстрации оставалось всего два дня, а сколько предстояло сделать...

Одни из участников событий тех дней вспоминал:

«Весь следующий день был посвящен нами на беготню по рабочим кварталам. Утром 6 декабря на место действия пришли все рабочие-кружковцы. В особенности хорошо были представлены гаванские рабочие, с одного завода пришла в полном составе целая мастерская в 40—45 человек».

На площади собралось рабочих человек 200—250 (студентов было еще больше), на ступеньки соборной колоннады поднялся стройный, военной выправки молодой человек. Оглядев площадь глубоко запавшими глазами и призывно выбросив вперед руку, он начал говорить:

— Друзья, мы только что отслужили молебен за здоровье Николая Гавриловича и других мучеников за народное дело. Вам, собравшимся здесь работникам, давно пора знать, кто был Чернышевский. Это был писатель, сосланный в 1864 году на каторгу за то, что волю, данную царем-«освободителем», он назвал обманом... Таких людей — не один Чернышевский, их было и есть много...

После первых же слов оратора жандармы и полицейские, какие были на площади, стали пробираться сквозь толпу к правому крылу колоннады, откуда раздавался сильный голос, звучали бесстрашные слова:

— Друзья! Мы собрались, чтобы заявить здесь перед всем Петербур-

гом, перед всей Россией нашу полную солидарность с этими людьми; наше знамя — их знамя; на нем написано: «Земля и воля крестьянину и работнику», вот оно — «Да здравствует „Земля и воля“!»

В тот же миг над толпой развернулось красное знамя. Его древко сжимал шестнадцатилетний рабочий паренек...

Послышался призыв:

— Ребята, держись теснее, не выдавай, не допускай полиции!

Эти слова, казалось, потонули в криках:

— Да здравствует социальная революция! Да здравствует «Земля и воля»!

Рабочие плотным кольцом окружили оратора, его студенческую фуражку быстро сменили на рабочий картуз, лицо закутали башлыком. Смешавшись с толпой, он стал недосягаем для полиции.

Между тем демонстранты, стараясь держаться сомкнутыми рядами, двинулись к Невскому. И тогда полицейские стали выхватывать людей из рядов. Арестованных бросились отбивать рабочие. Полицейских смяли, и те пустились бежать за собор, на Казанскую улицу. Но уже со стороны Невского к площади двигался отряд городских в сопровождении изрядного числа дворников... Рабочих окружали теперь со всех сторон...

Несколько десятков демонстрантов было арестовано в тот день. Двадцать из них вскоре предстали перед царским судом. Беспощадный приговор: «...в каторжные работы»,

Г. В. Плеханов. 1912 г.

«...на поселение в Сибирь», «...к пожизненному монастырскому покаянию» — обрушился и на рядовых участников демонстрации, и на знаменосца Потанова, и на токаря Мартынова, руководившего организованными действиями демонстрантов («...не выдавай, не допускай полицию!»).

Казанской демонстрации 1876 года принадлежит почетное место в истории российского освободительного движения. Это была первая в революционной летописи нашей родины политическая демонстрация с участием сотен рабочих, заявивших о своей готовности к самоотверженной борьбе с царским самодержавием.

Царские сатрапы, вынося рабочим драконовский приговор, понимали, однако, что пролетарии все же одержали важную победу: они укрыли от ареста своего руководителя, студента Горного института Георгия Плеханова.

Впрочем, тогда его имя еще не было известно тем, кто пытался держать Россию под надзором.

Сам Георгий Валентинович впоследствии так оценивал события 6 декабря 1876 года: «Казанская демонстрация была первой попыткой практического применения наших понятий об агитации. Понятия эти были в те времена еще слишком отвлечены, и уж по одному этому не могло быть удачным их практическое применение. Казанская демонстрация наглядно показала, что мы будем всегда оставаться одни, если в своей революционной деятельности будем руководствоваться лишь своим отвлеченным пристрастием к «агитации», а не существующим настроением и давшими насущными нуждами той среды, в которой собираемся агитировать. Мы не забыли этого урока».

Участие Плеханова в демонстрации явилось для него боевым крещением, днем его рождения как профессионального революционера.

Ничто, казалось, не предвещало такой судьбы Георгию Плеханову, родившемуся 28 ноября 1856 года в семье столбового тамбовского дворянина.

Семья, гимназия, училище

Владельца деревни Гудаловка, Липецкого уезда, Тамбовской губернии, Валентина Петровича Плеханова в округе знали как человека силь-

ного, решительного характера, широко образованного, справедливого с крестьянами, независимого с властями.

Валентин Петрович Плеханов был женат дважды. Первая жена умерла рано, оставив мужу трех сыновей и четырех дочерей. Вторая его жена — мать Георгия Валентиновича — Мария Федоровна Бенинская (племянница великого критика) происходила из обедневшей дворянской семьи. Она рано потеряла родителей и росла у родственников матери. С отличием окончив Институт благородных девиц, Мария Федоровна стала самостоятельно зарабатывать себе на хлеб. С Валентином Петровичем, ставшим потом ее мужем, она встретилась в доме, где служила гувернанткой. Когда она вышла замуж, ей было 22 года. Несмотря на большую разницу в годах, она нежно любила мужа, была заботливой матерью для его детей. Жорж — их первый общий ребенок. А всего в семье Плехановых было 14 детей; семь из них от второго брака.

Мать первая заронила в сердце Жоржа искру ненависти к гнету. Любопытное свидетельство мы находим в биографических рассказах племянника Георгия Валентиновича, видного ленинца Н. А. Семашко. «Мать рассказывала, — пишет он, — что она часто заставляла Марию Федоровну за рассказами Жоржу «ужасно революционных» вещей — о боге, о царе, помещиках и т. д. И когда она, как старшая сестра, обращалась к Марии Федоровне: «Мамаша, разве можно рассказывать

ребенку такие вещи?», та неизменно отвечала: «Пусть, Манюнька, Жорж знает всю правду».

Мария Федоровна с ранних лет прививала сыну отзывчивость к простым людям. «Деликатность в обращении со всеми, начиная с прислуги, была чрезвычайно развитой, характерной чертой матери, — вспоминает сестра Плеханова Варвара Валентиновна. — Мне кажется, что Жорж не только лицом, но и характером, а также складом ума походил на мать. От нее, главным образом, он унаследовал свои способности и страсть к чтению».

В доме Плехановых была большая, со вкусом подобранная библиотека. Среди книг много и военной литературы. Благодаря стараниям матери Жорж рано научился читать. В детские годы он мечтал стать полководцем.

В 1868 году Георгий Плеханов был принят во второй класс Воронежской закрытой военной гимназии.

После вступительных экзаменов ему пришлось выдержать испытания и на храбрость.

По принятому во всех тогдашних военных заведениях обычаю гимназисты решили проверить новичка: каков он в рукопашном бою? Такой экзамен для Жоржа не был неожиданным. Еще раньше брат Николай предупредил его: если он струсит и откажется драться, ему не будет пощады от товарищей. Новичок решил не сдаваться и смело принял вызов. Для боя выделили длинноногого гимназиста, старше Жоржа на два года. Несмотря на преимущества против-

М. Ф. Плеханова — мать Г. В. Плеханова.

ника, победителем вышел повичок, который после героической защиты перешел в наступление и под гул одобрения одолел противника. Сказались не только природная сила и смелость, но и физическая закалка, полученная в деревне.

Со временем Жорж укрепил среди новых товарищей добытую в бою выгодную репутацию. И не только потому, что победил в поединке, а и благодаря независимому, свободоло-

бивому характеру. Вместе с другими гимназистами Жорж выпускал рукописную газету, на страницах которой помещал свои первые литературные опыты. Преподаватель словесности Бунаков заметил литературное дарование гимназиста Плеханова и, наблюдая за его развитием, помогал книгами и советами. Много лет спустя Георгий Валентинович вспоминал: «...у меня был выдающийся преподаватель русского языка. Я обязан ему весьма многим. Он привил мне любовь к словесности, приучил говорить и писать правильно, определенно, ясно и просто».

Как пригодилось все это молодому Плеханову через несколько лет в его первом революционном подполье — в рабочих кружках Петербурга!

Несмотря на закрытый характер Воронежской военной гимназии, ее воспитанники ухитрились создать кружок самообразования, читали там недозволенную литературу. Среди кружковцев был и гимназист Плеханов.

Георгий Валентинович вспоминает: «Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший нас на фронтовое учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы стали стрелять, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный

ствол, прошептал: «Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!» Эти слова, пронесенные украдкой, в нескольких шагах от строгого военного начальства, глубоко врезались в мою память...»

Мысли эти укрылись от бдительного ока начальства, порою не брезгавшего и выпороть иного стронгитового воспитанника, и Жоржу, познавшему не только вкус гнилой казенной каши и обиды карцерных отсидок «с сокращением пицци», но и запретную радость общения с революционной литературой и «критически мыслящими товарищами», удалось окончить гимназию.

В 1873 году Георгий Плеханов был переведен в Петербург, в Константиновское юнкерское училище.

Надо ли говорить, как потускнела к тому времени его восторженная юношеская мечта посвятить себя военной службе.

Окончательно убила эту мечту правда об образе жизни и настроениях офицерской столичной молодежи, в общество которой ввел Жоржа его старший брат Митрофан, учившийся в ту пору в Академии Генерального штаба.

Однажды в кругу офицеров юнкер Плеханов попытался заговорить о временах, когда армия в России станет на сторону народа. Поручик Сахаров, впоследствии царский генерал-каратель, прервал юнкера словами: «Ну что же, Георгий Валентинович, когда будет власть на вашей стороне, на стороне революцио-

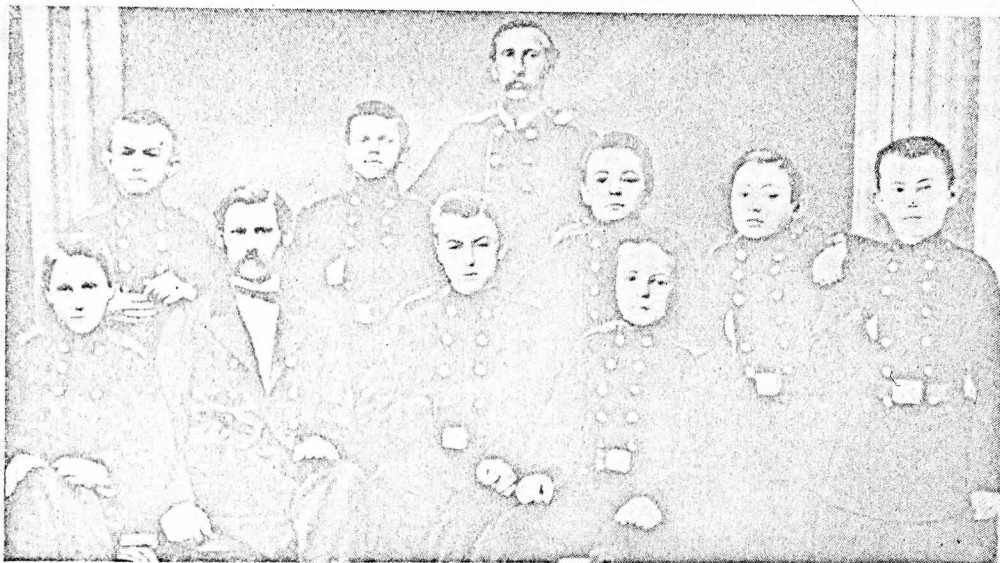
В. П. Плеханов — отец Г. В. Плеханова.

неров, мы перейдем на вашу сторону, а теперь еще рано!»

В том же 1873 году Г. В. Плеханов принимает непреклонное решение навсегда оставить военное поприще.

Примечательно, что сам Плеханов связывает это решение с влиянием романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Вспоминая о той поре своей жизни, он писал: «Кто не читал и не перечитывал этого знамени-

Г. В. Плеханов в Воронежской военной гимназии (крайний справа).

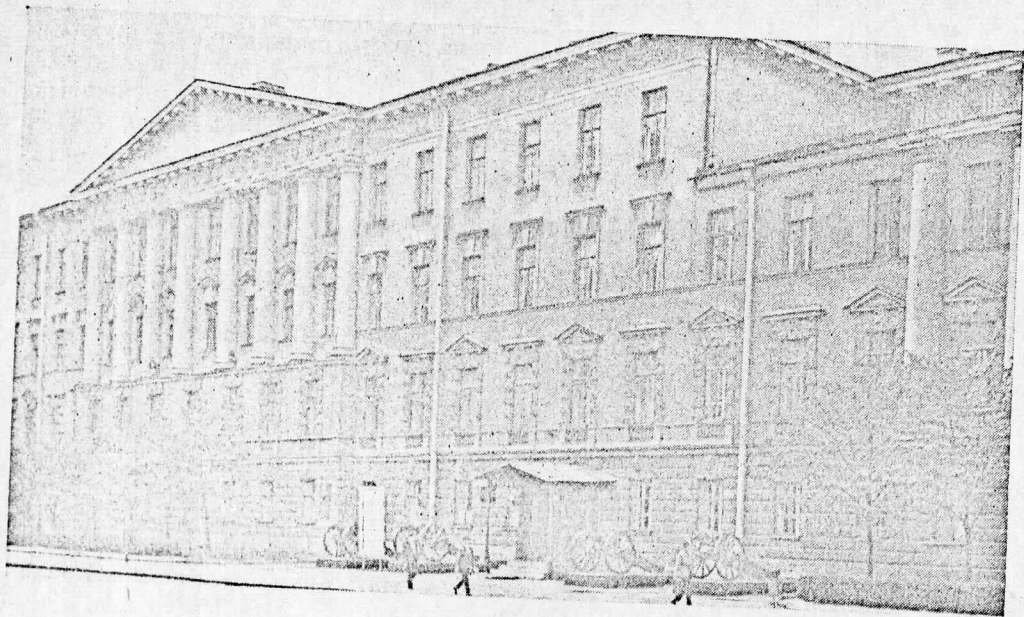
того произведения?.. Кто после чтения этого романа не задумывался над собственной жизнью, не подвергал строгой проверке своих собственных стремлений и наклоностей?»

Научная карьера или революционная борьба?

Георгий Плеханов сознательно расстался с военной карьерой. С большим трудом добившись освобождения от военной службы, обязательной для воспитанников военных учебных заведений, отлично выдержав экзамен, он поступил в 1874 году в Петербургский горный институт.

Облик студента-горняка Георгия Плеханова воссоздается в воспоминаниях видного революционера-пародиста О. В. Антекмана.

«Познакомился с ним в первый раз в 1875 году, в Петербурге, — пишет О. В. Антекман. — Как-то встречаю на улице гимназического его товарища, Усененского. Зовет к себе, с ним-де сейчас живет интересный юноша, студент Горного института. Зашел. Действительно, интересный юноша. Типичный по внешности студент. Среднего роста, стройный, неправильные черты лица, небольшая темно-русая, лопаткой, бородка, каштанового цвета волосы, мягкими прядками падающие назад, белый точеный лоб, карие, слегка миндалевидные глаза. Лицо приятное, оригинальное. Особенно живые, острые,

насмешливые глаза. Разговорились. Как водится, подняли спор. И опять прекрасное впечатление. Что-то свое, горячее, вызывающее. Чувствуется талант, способность к самостоятельному творчеству. Чувствуется темперамент. Славный юноша. По-видимому, работает много по своей специальности: компата вся уставлена химическими препаратами, банками, ретортами и проч. химическими принадлежностями. На полках и на столе — книги. Много книг. Очевидно, читает много».

Действительно, в первые семестры своей студенческой жизни Г. В. Плеханов с головой ушел в академические занятия и проявил исключительные способности к теоретическим дисциплинам.

«У него было очень выразитель-

Бывшее Константиновское училище, где учился Г. В. Плеханов (ныне Высшее артиллерийское командное Краснознаменное училище и.м. Красного Октября).

ное, умное лицо, сразу обращавшее на себя внимание, — вспоминал один из современников Плеханова. — Особенно замечательны были его, казалось, пропидавшие собеседника насквозь темно-карие глаза, смотревшие то сурово из-под чрезвычайно густых бровей и длинных ресниц, то с иронической насмешкой... Своей внешностью и костюмом Плеханов несколько не походил на «нигилистов»: он одевался чисто, аккуратно, без претензий на франтовство; волосы причесывал назад, небольшую темно-русую бородку своевременно

Г. В. Плеханов — студент Горного института.

подстригал... он был вежлив, корректен, производил впечатление благовоспитанного молодого человека...»

Материальное положение Г. В. Плеханова в ту пору было типично студенческим. После смерти отца, Валентина Петровича, в 1873 году Гудаловское имение, и без того не

очень доходное, пришло в полный упадок. В связи с этим положение многочисленной семьи Плехановых резко ухудшилось.

Сохранилось прошение студента Георгия Плеханова на имя директора Горного института с просьбой назначить ему стипендию.

Учитывая замечательные успехи и способности Г. В. Плеханова, начальство распорядилось назначить ему Екатерининскую стипендию. Получив ее, Плеханов в какой-то мере облегчил заботы матери.

«Нисколько не похожого на „нигилиста“», одаренного студента Плеханова прочили в профессора. Первое время ему и самому такая перспектива была по душе. Но по мере сближения Георгия Валентиновича с передовой революционной молодежью мысль о научной карьере все больше и больше уступала другой: посвятить себя революции.

Вскоре Плеханов становится вожаком передовой студенческой молодежи Горного института, известного стойкостью демократических традиций. Никто из его сверстников не умел так ярко, темпераментно и логично излагать свои мысли, как это делал Георгий Плеханов. Он не любил легких, беспредметных бесед. В тех случаях, когда разговор шел вокруг да около, Плеханов обычно удалялся куда-нибудь в угол, и непременно с книгой в руках (без книги его вообще редко можно было видеть). Если же беседа бывала серьезная, касавшаяся теоретических вопросов, тут Георгий подключался не-

медленно и брал инициативу в свои руки, умело направляя спор.

Квартира Плеханова из трех студенчески меблированных комнат на Большой Дворянской улице (ныне улица Куйбышева) очень скоро была признана особо надежной революционерками-землепользователями и не раз служила убежищем для товарищей; перешедших на нелегальное положение.

Сознательно и бесповоротно Г. В. Плеханов примкнул к революционному движению в начале 1875 года, когда познакомился с группой революционеров-народников — О. В. Аптекманом, С. М. Кравчинским и другими. В числе очень немногих из числа участников «хождения в народ» 1874 года им удалось — до времени — избежать ареста.

Встречаясь, они горячо обсуждали, что и как делать, чтобы наладить революционную работу в народе.

Г. В. Плеханов считал себя тогда еще не обстрелянным революционером, активного участия в спорах не принимал, но в то, о чем говорили бывалые, испытанные товарищи, вслушивался жадно.

Чаще всего сходились на том, что следует заменить «летучую, мимолетную проаганду» прочными поселениями в деревнях с целью «агитации на почве существующего у народа недовольства современными порядками». Такого взгляда придерживалось большинство; он был характерен для народничества с его недооценкой роли рабочего класса в освободительном движении и идеа-

лизацией крестьянства с его общинным укладом жизни. *«Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни, — писал о народниках В. И. Ленин, — отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции — вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на героическую борьбу с правительством».*

Свой, верный путь в этой борьбе Г. В. Плеханову помогло найти общение с передовыми пролетариями столицы в нелегальных политических кружках.

Первые революционные обязанности

Среди кружковцев выделялся рабочий-металлист Митрофанов, в то время перешедший уже на нелегальное положение. О нем Г. В. Плеханов рассказывает в своих воспоминаниях, опубликованных под названием «Русский рабочий в революционном движении»: «Я познакомился с ним у студентов медицинской академии — братьев Х. в конце 1875 года. Митрофанов был уже тогда «нелегальным» и жил у братьев Х., скрываясь от полиции. Как и все студенты-революционеры того времени, я, конечно, был большим народолюбом и собирался идти в «народ», понятие о котором было у меня, однако, — опять-таки, как и у всех нас, студентов-революционеров того времени, — очень смутным и неопределенным. Любя «народ», я знал его очень мало, а лучше сказать, не знал

совсем, хотя и вырос в деревне... Я стал часто встречаться с Митрофановым и жадно расспрашивал его об его революционной деятельности в народной среде. Из всех слов народа ближе всего ко мне, по моему тогдашнему положению, были, конечно, петербургские рабочие, и вот я задал своего нового знакомого вопросами о том, что представляют они собой».

Дружеские отношения Г. В. Плеханова с Митрофановым подтверждает жена и друг Плеханова Розалия Марковна Бограз, и притом как раз на тех страницах своих мемуаров, которые посвящены описанию ее первой встречи с Георгием Валентиновичем:

«Наконец осуществилась моя мечта (лично познакомиться с Г. В. Плехановым. — В. Г.): в декабре 1877 года явился в нашу студенческую коммуну, помещавшуюся в доме Николаева, на 7-й улице Песков (ныне 7-я Советская ул.), Георгий Валентинович в сопровождении молодого человека, лет 25-ти, невысокого роста, со смуглым, бритым лицом, бледным, болезненным. Лицо этого молодого человека с широко выдающимися скулами, не отличалось красотой, но было умное, интеллигентное. Одет он был очень прилично: в темной паре, драповом пальто и с цилиндром на голове. Представляя его мне, Георгий Валентинович назвал какую-то фамилию. Впоследствии, много времени спустя, я узнала, что это был Митрофанов...»

Нелегальный гость прожил в «коммуне» (так назывались квартиры, напимавшиеся студентами сообща) дней десять. Держался замкнуто, избегал разговоров. Почти напролет читал. Примечательно свидетельство Р. М. Плехановой о большой начитанности Митрофанова:

«Моя библиотека, которая нам казалась богатой, была малоинтересна для него, так как он почти все перечитал перед этим: Флеровского — «Азбука социальных наук» и «Положение рабочего класса в России»; Бокля — «История цивилизации в Англии», Дренара, словом все, что я ни предлагала ему, все это было читано...»

В начале 1876 года по просьбе рабочих на квартире Г. В. Плеханова собирается нелегальная сходка, которая, по словам Георгия Валентиновича, произвела на него большое впечатление. В тот вечер он впервые ставит под сомнение народнические представления о рабочем классе, якобы неспособном к восприятию идей социализма.

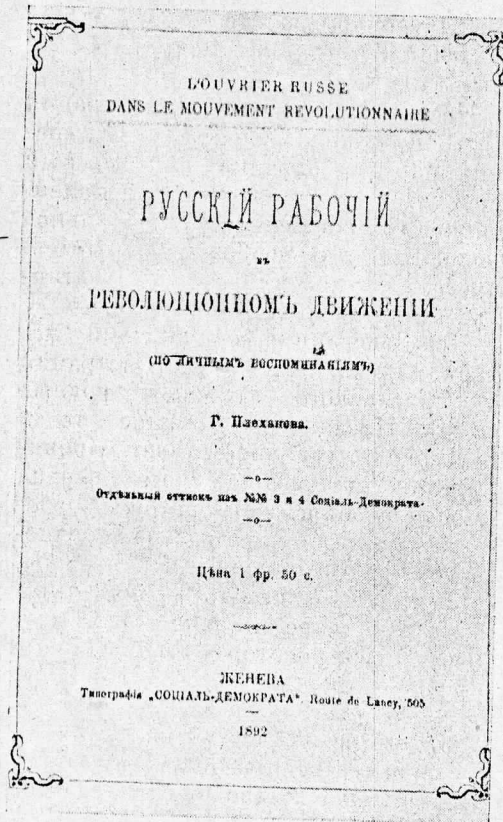
Г. В. Плеханов так рассказывает о своих размышлениях после той сходки: «Митрофанова я считал исключением, теперь я узнал, что подобных ему исключений много. Дело сближения с народом, прежде пугавшее меня своими трудностями, показалось мне теперь простым и легким. Не откладывая его в долгий ящик, я решил немедленно же и как можно ближе сойтись с моими новыми знакомыми. Поддержать раз завязавшиеся сношения с ними было тем легче, что некоторые из них дали

ние свои адреса и звали к себе в гости... Я посетил почти всех рабочих, бывших на сходке в моей комнате, а затем уже приобрел между ними много новых знакомых. Видя, как заинтересовало меня «рабочее дело», бунтари приняли меня в свой кружок, так что «занятия с рабочими» стали с тех пор моей революционной обязанностью».

В конце 1876 года революционная пропаганда среди рабочих распространилась на многие промышленные районы Петербурга. Росло число рабочих кружков на Выборгской и Петроградской сторонах, на Васильевском острове, в Галерной гавани, на Обводном канале, за Невской и Нарвской заставами; подпольные рабочие кружки появились и в Коллине, Кронштадте.

К этому времени молодой Плеханов уже хорошо знал литературу русских революционных демократов. Особенно же глубокий след оставили в его сознании сочинения Маркса. Это позже с благодарностью отмечал сам Плеханов: «Я уже тогда был твердо уверен в том, что именно историческая теория Маркса должна дать нам ключ к пониманию тех задач, которые мы должны решать в своей практической деятельности».

Еще до встречи с рабочими Георгий Валентинович оговательно изучил «Капитал» Маркса. Знал работы Дюринга, А. Смита, Н. Зиберта, Д. Рикардо. Беседы двадцатилетнего Плеханова, его лекции в рабочих кружках имели большой успех. Их слушали с особым интере-

Обложка первого издания брошюры Г. В. Плеханова «Русский рабочий в революционном движении».

сом, так как лектор говорил о насущных, злободневных вопросах жизни рабочих, говорил увлекательно, доступно.

Лучшим подтверждением этого и стал революционный почин его учеников 6 декабря 1876 года.

На Патронном заводе и Новой бумагопрядильне

После казанской демонстрации Г. В. Плеханов оказался в поле зрения царской охранки как опасный враг правительства. Георгий Валентинович перешел на нелегальное положение и с еще большей энергией продолжал политическую пропаганду среди рабочих.

Преследования коснулись и матери Плеханова. О демонстрации у Казанского собора родные Г. В. Плеханова, жившие тогда в Липецке, узнали из газет. Проницательность материнского сердца порою необъяснима: Мария Федоровна сразу же высказала предположение, что «неизвестный оратор», выступивший с речью на площади, — ее сын. Вскоре догадка подтвердилась. Через некоторое время в доме появился жандармский полковник с допросом...

244

Несмотря на нездоровье, Мария Федоровна решила поехать в Петербург. Она хотела просить за сына императрицу, к которой, как институтка «шифрез» (особо отличившаяся способностями и усердием. — В. Г.), имела право доступа.

Узнав о намерении матери, Г. В. Плеханов решительно воспротивился какой бы то ни было форме подачи прошения «на высочайшее имя». Не подвергая себя риску немедленного ареста, он не мог встретиться с матерью, но сумел передать ей записку, в которой писал: «Простят за виновных, а я ни в чем не виноват».

Измученная, сразу постаревшая, Мария Федоровна вернулась в Липецк, не повидав скрывавшегося сына.

Уйдя в подполье, Г. В. Плеханов, естественно, не мог посещать лекции в Горном институте. Воспользовавшись этим, дирекция института поспешила избавиться от подозрительного студента. В июне 1877 года Георгий Плеханов был отчислен из института.

Чтобы избежать ареста, Г. В. Плеханов весной 1877 года нелегально перешел границу и поехал сначала в Берлин, затем в Париж. Но в июле того же года он возвратился в Россию.

Непродолжительное пребывание на Западе не пошатнуло пароднических взглядов Плеханова. Он даже собирался специально отправиться в Америку, чтобы обучиться ведению фермерского хозяйства и по возвращении в Россию пойти «в парод». Но обстоятельства помешали выполнить это намерение. Вернувшись на родину, он сразу же направился в Саратов на революционную работу. В конце 1877 года он написал пародническую программу для саратовского кружка землевольцев. Неоднократно Плеханов обращался в училищный совет города Аткарска, Саратовской губернии, с просьбой назначить его учителем в сельскую школу — он стремился в деревню для организации землевольческих поселений. Но все попытки потерпели неудачу. Вскоре в Саратове была раскрыта конспиративная квар-

тира кружка на Камышинской улице. Полиция арестовала находившихся в квартире и устроила там засаду. Не подозревая о случившемся, Плеханов направился навестить товарищей, был арестован и отправлен в участок.

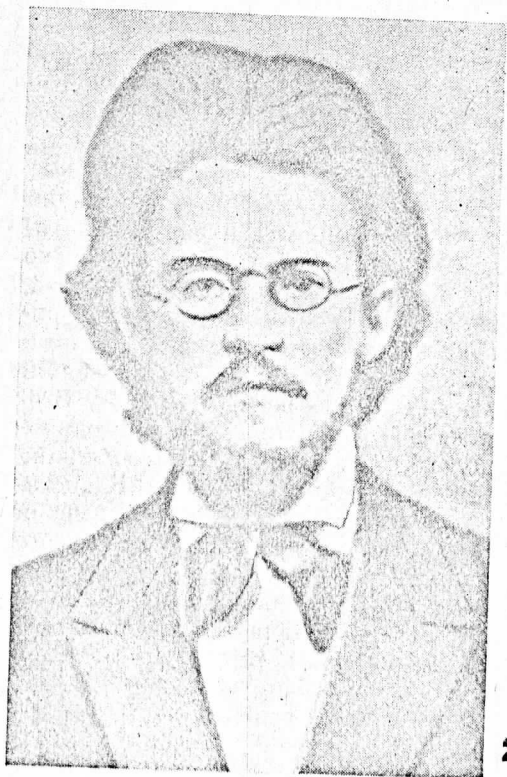
На этот раз для Плеханова все обошлось благополучно. Учинив обыск у него на квартире и не найдя там ничего подозрительного, полиция отпустила его, взяв подписку о явке в участок на следующий день. Плеханов поспешил предупредить остальных товарищей и немедленно выехал в Петербург.

Его возвращение в столицу совпало с крупными революционными событиями.

Зимой 1877/78 года начались волнения рабочих на многих фабриках и заводах Петербурга. Особенно внушительным был протест рабочих на Васильевском патронном заводе и стачка на Новой бумагопрядильной мануфактуре. Г. В. Плеханов вместе с другими землевольцами активно участвовал в волнениях. Он устраивал конспиративные встречи с рабочими, поддерживал их боевое настроение, собирал средства для стачечников, писал листовки, формулировал требования рабочих.

Волнения на Патронном заводе начались в январе 1878 года, после того как в мастерской от взрыва пороха погибло шесть рабочих.

Так как взрыв произошел в результате преступного недосмотра администрации, рабочие-кружковцы решили использовать этот факт для открытого протеста: в день похорон

Л. Г. Дейч — один из основателей «Группы освобождения труда», друг и соратник Г. В. Плеханова.

погибших была устроена демонстрация. Г. В. Плеханов был одним из ее руководителей.

К этому времени относится его близкое знакомство с организатором «Северно-русского рабочего союза» Степаном Халтуриным. «...Впервые я встретился с ним (Халтуриным. — В. Г.) дня за два до... похорон убитых взрывом рабочих Патронного

завода, — вспоминал Г. В. Плеханов. — Я был в числе «бунтарей», приглашенных принять участие в задуманной по этому поводу демонстрации, он — в числе рабочих, подготовлявших демонстрацию».

В брошюре «Русский рабочий в революционном движении» Плеханов посвятил Халтурипу несколько ярких страниц. Приведем отрывок, в котором Георгий Валентинович рисует облик этого видного представителя русского рабочего движения: «В Петербурге родственников у Степана не было. Жил он всегда одиноко, занимал небольшую комнату на манер студенческой кельи. К обстановке и одежде своей он относился с равнодушием, достойным самого «интеллигентного» пижониста. Высокие саногы, приплюс, слишком длинное даже для его высокого роста пальто, на котором недостает нескольких пуговиц, довольно неуклюжая черная меховая шапка, — вот в каком костюме воскресает он теперь в моем воображении... Он охотно выпивал бутылку-другую пива, но вряд ли когда принимал участие в веселых товарищеских пирушках. Других рабочих мне случилось иногда встречать подкутившими. Его никогда... Этот сдержанный, практичный человек был... большим мечтателем».

Похороны рабочих Патронного завода, в организации которых деятельное участие приняли Плеханов и Халтурия, вылились в многолюдную демонстрацию рабочих. «Полиция, все время сопровождавшая шествие в довольно значительном ко-

личестве и усиленная новым отрядом городских у входа на кладбище, стала вокруг могил... — вспоминал Плеханов. — Вот из толпы раздался голос рабочего: «Господа!.. Мы хороним сегодня шесть жертв, убитых не турками, а попечительным начальством. Наше начальство...»

Его прервали. Раздались полицейские свистки, и околоточный надзиратель положил ему руку на плечо со словами: «Я вас арестую». Но едва успел он выговорить это, как произошло нечто совершенно неожиданное. Со всех сторон раздались негодующие крики, и толпа... дружно кинулась на оторопевших полицейских. В одно мгновение арестованный был куда-то далеко унесен хлынувшей рабочей волной, а попытавшийся взять его околоточный не совсем твердым голосом извинялся перед публикой».

Спустя несколько дней после похорои на заводе среди рабочих была распространена прокламация:

«Рабочие Патронного завода!

Прошло уже около недели после похорои наших товарищей, а вы еще ничем не заявили вашего негодования начальству...

...у ваших погибших товарищей остались семьи, и этим вдовам и сиротам выдали, как на смех, по 40 рублей!.. Да из каких денег выдали эти 40 рублей пособия?

Уж, конечно, не из своих выдало их начальство, — на это есть штрафные деньги.

Вы сами знаете, что такое ваши штрафы, — это чистый грабеж!

Итак, одних грабят, других жарят

живыми и из награбленных денег выдают пособия семействам убитых!..

Рабочие!

Пора вам самим взяться за ум: помощи ждать Вам не от кого! Не дожидетесь вы ее от начальства!

Долго ли еще будешь терпеть ты, рабочий народ?!

Автором этой прокламации был Г. В. Плеханов.

Бурные события развернулись и на Новой бумагопрядильной мануфактуре.

В феврале 1878 года петербургский градоначальник А. А. Козлов доносил шефу жандармов Н. В. Мезенцеву об аресте лиц, заподозренных в руководстве стачкой на этой фабрике. В списке задержанных значились: студент Петербургского университета Н. С. Тютчев, сын профессора университета В. Н. Васильев, дворянин Александр Сергеевич Максимов-Дружбин. По поводу последнего в донесении говорилось: «Максимов-Дружбин в январе текущего года приехал из Орла с целью заниматься в Публичной библиотеке по предмету политической экономии. Задержан вместе с Тютчевым, с которым все о чем-то шептался».

Максимов-Дружбин — в действительности это был Г. В. Плеханов — приехал тогда не из Орла, а из Саратова и был одним из организаторов протеста рабочих Новой бумагопрядильни.

«Бунт, возникший на Новой бумагопрядильной фабрике, обязан своим возникновением студентам, — сообщали филеры в канцелярию министерства внутренних дел, — подго-

варивающим рабочих самым разнообразным способом к сопротивлению фабрикантам...» К этим студентам Г. В. Плеханов имел самое непосредственное отношение.

Как только стало известно о волнениях рабочих на Новой бумагопрядильне, Георгий Валентинович с присущей ему решительностью ринулся туда и оставался с рабочими до конца стачки. Вместе с революционерами из местных рабочих кружков он руководил ею. Тогда же он написал прокламацию «К рабочим всех фабрик и заводов»:

«Друзья рабочие! Вот теперь рабочие с Новой бумагопрядильни... держатся все время дружно. Вам нужно поддержать их. Ведь их кругом обманули: сам Козлов (градоначальник. — В. Г.) божился уважить их требования к 15 числу; а вместо того вышло, что их только заманили: никаких новых правил 15 числа не вынесли... Неужели давать издеваться над рабочими всякому жулику? Нет, вы соберите в их пользу деньги, нынче вы им поможете, а завтра они вам... Всякий, кто не предаст своего брата рабочего за деньги, должен помочь стачечникам... устройте у себя сборы... и отправляйте на Новую бумагопрядильню... так и помогайте друг дружке — на людях и смерть красна».

В стачке на Новой бумагопрядильне участвовало более двух тысяч рабочих. Это были «все серые люди, — вспоминал Г. В. Плеханов, — недавно попавшие в столицу и в целостности сохранившие свои дере-

А. И. Желябов.

венские предрассудки. Можно представить себе поэтому те препятствия, которые должны были встретиться революционерам при их попытке войти в сношения со стачечниками».

Исход стачки внешне был неудачным: рабочие не добились повышения заработной платы и удовлетворения других своих требований. Многие стачечники были арестованы и высланы из столицы. Схватчен был и Г. В. Плеханов, но вскоре вы-

пущен: его настоящее имя Филерам раскрыть не удалось. И хотя волна стачек, разразившихся зимой 1878/79 года в Петербурге, не внесла существенных изменений в жизнь петербургских пролетариев, ее вдохновляющее влияние на ход рабочего движения России было бесспорным. Оглядываясь назад, Георгий Валентинович писал: «Дружный отпор, данный полиции рабочими Патронного завода, произвел прекрасное впечатление как на рабочие кружки Петербурга, так и на «бунтарскую» интеллигенцию. Он доказал, что даже не затронутые пропагандой рабочие вполне способны к решительному и единодушному действию...» Далее он продолжал: «...как бы там ни было, стачка на Новой бумагопрядильне, несмотря на свой неудачный исход... принесла большую пользу делу рабочего движения в Петербурге. За ее ходом внимательно следили все петербургские рабочие, и многие очень «серые люди», наверное, пришли к тем же выводам относительно царской власти, какие сделаны были ткачами и прядильщиками Обводного канала».

Непосредственное участие Георгия Валентиновича в стачечном движении конца 70-х годов сыграло существенную роль в формировании его мировоззрения. Именно в этот период в обстановке все возрастающей революционной активности рабочих в сознании молодого Плеханова — бунтаря-народника росло сомнение в правильности народнических взглядов на роль рабочего класса в социальных transforma-

ниях. Плеханов радовался малейшему проявлению революционной самостоятельности рабочих.

Выразителем его рассказ об одной рабочей прокламации. «Однажды мне, как члену редакции «Земля и воля», передали конверт с надписью: «Господину редактору». Я нашел в нем две четвертушки серой бумаги. «Господин редактор, — написано было на одной четвертушке, — пожалуйста, напечатайте наше воззвание и, если нужно, будьте так добры, поправьте». На другой написано было воззвание: „Голос рабочего народа, работающих и страдающих у подлца Максвелля“. Приведя в кратком изложении текст воззвания, Г. В. Плеханов курсивом выделяет слова: *«мы работаем, стараемся, а он, свинья, не доволен нами»... Будем же твердо стоять каждый за всех и все за одного.* Мы положительно пришли в восторг, — продолжает Плеханов. — Сколько свежего чувства, сколько простоты и непосредственности, сколько трогательной неумелости и вместе с тем сколько неотразимой убедительности было в этой далеко не грамотной прокламации, что мы сочли непозволительным делать в ней какие-нибудь существенные изменения и ограничились исправлением грамматических ошибок».

Когда в конце 1878 года возник «Северно-русский рабочий союз», Плеханов с восхищением встретил это историческое событие. «Возникновению Союза нельзя было не радоваться даже с нашей тогдашней народнической точки зрения», — от-

мечал Плеханов. Хотя в своих политических взглядах и стремлениях «Союз» значительно расходился с бунтарями-народниками, Плеханов тем не менее приветствовал «Союз», и прежде всего потому, что в самом факте возникновения такого Союза он видел проявление больших потенциальных сил рабочего класса. «...Будущий историк революционного движения в России, — писал Плеханов, — должен будет отметить тот факт, что в семидесятых годах требование политической свободы явилось в рабочей программе раньше, чем в программах революционной интеллигенции».

Г. В. Плеханов заметил, что к концу 1870-х годов рабочее движение в России, прежде всего движение петербургских пролетариев, переросло народническое учение на целую голову. Молодой Плеханов отмечает большую революционную активность рабочих по сравнению с крестьянством. Уже тогда у Плеханова зарождалась мысль, которую он позднее, после знакомства с рабочим движением Запада и тщательного изучения трудов Маркса и Энгельса, впервые сформулирует на I Конгрессе II Интернационала в 1889 году как свое глубокое убеждение: «...революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих». А позже Плеханов с еще большей определенностью заявит: «Наши (русские. — В. Г.) рабочие, уже в семидесятых годах видевшие слабые стороны народничества, в девяностых годах сознательно станут

под знамя всемирной рабочей партии; под знамя *социал-демократов*... Пролетариат — это тот динамит, с помощью которого история взорвет русское самодержавие». Нужен был гений такого человека, как Плеханов, отмечал П. И. Лепешинский, нужно было такое тщательное знакомство с сочинениями Маркса, Энгельса и других теоретиков научного социализма, которое уже в 80-х годах стало бесспорно заслугой Плеханова, чтобы на рубеже 70—80-х годов с такой силой убеждения говорить о великом историческом призвании российского пролетариата.

Мысли Г. В. Плеханова об исторической миссии русского рабочего класса явились бесценным вкладом в историю мирового революционного движения.

Молодой Плеханов имел прямое отношение к издававшейся в Петербурге нелегальной литературе 70-х годов. Он был одним из редакторов журнала народников «Земля и воля», где были напечатаны кроме уже упомянутых прокламаций многие корреспонденции Плеханова. Так, весной 1878 года на страницах «Земли и воли» впервые появилась программа землевольческой партии, сформулированная Плехановым; его же воззвание «К русскому обществу» (по поводу оправдания В. И. Засулич). В течение осени и зимы 1878 года была напечатана прокламация Плеханова «Славному войску донскому». В январе и феврале 1879 года в том же издании появились две его статьи под общим названием: «Закон экономического разви-

тия общества и задачи социализма в России».

В этой статье Г. В. Плеханов указывает на ошибочность народнических суждений о роли рабочих в революционном движении. «Вопрос о городском рабочем, — пишет он, — принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самую жизнь самостоятельно выдвигаются вперед, на подобающее ему место».

Г. В. Плеханов в это время еще далек от марксизма, однако его выдающиеся способности к теоретическим обобщениям, обширные знания уже тогда ставили его выше даже самых видных революционеров-народников.

Осенью 1878 года, после неудачной попытки вызвать бунт среди донских казаков и провала в Петербурге конспиративной квартиры партии «Земля и воля», Александр Михайлов впервые высказал Плеханову «то мнение, что нам (землевольцам. — В. Г.) нельзя ставить себе задачу широкой агитации в народе, так как наши силы для этого слишком малы, а надо просто «наказывать» правительство за его свирепые преследования».

Г. В. Плеханов заявил решительный протест против такой тактики. В отдельных случаях допуская революционный террор в ответ на монархический, он призывал к массовой агитации в народе, особенно в рабочей среде.

Летом 1879 года в Воронеже, на нелегальном съезде партии «Земля и воля», скрестились шпаги идейных противников.

Когда большинство съезда, искренне убежденное в том, что «террористическим штурмом» можно довести монархию до «капитуляции», высказалось за террор, признав его основным методом борьбы, Георгий Валентинович, бледный от волнения, поднялся и заявил: «Значит, мне не по дороге с вами». Г. В. Плеханов покинул съезд.

Так произошел раскол «Земли и воли». Было решено, что ни одна из двух фракций, на которые распалась партия, не должна носить прежнее название. Сторонники террора во главе с Андреем Желябовым объединились в «Народную волю». Их противники — «деревенщики» во главе с Плехановым — образовали организацию «Черный передел». Ее руководители, проделав бурную идейную эволюцию, в 80-х годах много сделают для пропаганды революционного марксизма.

О своем разрыве с землевольцами Плеханов говорил: «Несомненно, этот шаг сделать трудно, берешь на себя громадную ответственность перед историей и революцией, но этот шаг необходим, чтобы спасти дело народного освобождения от гибели. Я много передумал и перестрадал, раньше чем решился на него».

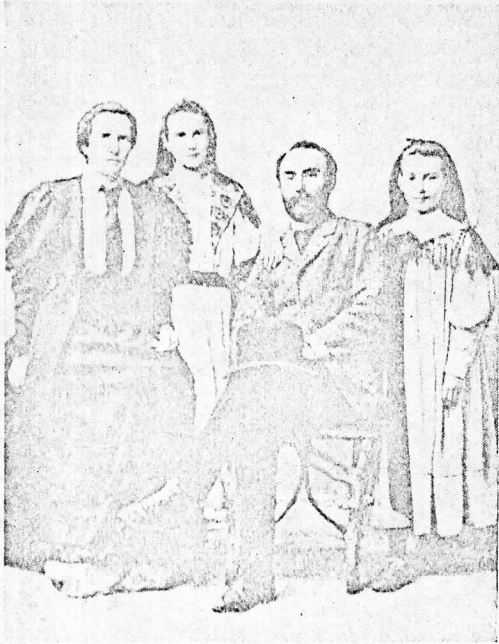
Из Воронежа Г. В. Плеханов поехал в Киев, где в это время нелегально жила Р. М. Плеханова. Вскоре он получил радостную весть: в Петербург вернулись из-за границы его единомышленники Засулич, Стефанович, Дейч и другие, вошедшие потом в группу «Черный передел».

В. И. Засулич.

Не теряя ни минуты, Плеханов отправился в Петербург, через короткое время туда переехала и Розалия Марковна.

Плехановы поселились в Графском переулке, в доме 6, имея общий паспорт на имя дворянина Воронежской губернии Александра Севериновича Семашко и его жены Марии Валентиновны (сестры Плеханова).

Г. В. Плеханов с женой Р. М. Плехановой и дочерьми Лидией и Евгенией.

Георгий Валентинович с головой ушел в дела «Черного передела».

Со времени раскола «Земли и воли» Плеханов много пережил, передумал, много читал, ища ответа на вопрос: что же делать дальше? И чем глубже изучал он теорию научного социализма, тем яснее представлялась ему несостоятельность основных положений народничества. В этом же, по его словам, убеждал его и опыт, приобретенный в течение нескольких лет революционной агитации, и более или менее ясное сознание того, что этот опыт нахо-

дится в резком противоречии с теорией буптарей. «Это сознание было особенно мучительно, — писал Плеханов, — и каждый из нас испытывал настоятельную потребность привести в порядок свои революционные идеи».

Вот с такими мыслями Г. В. Плеханов, скрываясь от преследований полиции, вынужден был в 1880 году вместе с другими чернопередельцами покинуть родину. Путь Г. В. Плеханова и его товарищей лежал в Женеву.

Георгий Валентинович тяжело переживал разлуку с семьей: в Петербурге оставалась еще не окренившая после родов Розалия Марковна и их двухпедельная дочка Верочка.

После отъезда Плеханова за границу Третье отделение продолжало усиленно разыскивать его в Петербурге. За квартирой, в которой нелегально проживала Розалия Марковна с ребенком и ее подругой Теофилией Васильевной Поляк, полиция установила усиленный надзор. В их квартире неоднократно производились обыски. «Специальная женщина была прислана для личного осмотра, — вспоминает Розалия Марковна, — снимали с нас банники, чулки... одно только не смотрели — детской кроватки... между тем под матраском лежала революционная литература и только что полученное письмо от Плеханова из Женевы».

Г. В. Плеханов приехал в Женеву в январе 1880 года, в мае того же года удалось перебраться и Розалии Марковне. Четырехмесячная дочка Плехановых осталась у Т. В. Поляк,

которая через несколько месяцев должна была вместе с ребенком приехать в Женеву. Но вскоре после отъезда матери девочка заболела и умерла.

Долгое время Плехановы не имели постоянного пристанища. Австрия и Германия не давали убежища русскому эмигранту; Швейцария выслала его; броситься в Англию или Америку значило окончательно оторваться от русских дел или, по крайней мере, очень и очень отдалиться от них. По этой причине часто приходилось менять место жительства и нередко жить отдельно от семьи. А это тем более было тяжело, что средства к существованию постоянно были ограничены, а то и вовсе отсутствовали. «Позже, когда я близко узнал Плеханова, — пишет один из эмигрантов народник Н. Кулябко-Корецкий, — меня стала преследовать неотвязная мысль: этот человек, этот мыслитель, этот ученый, блестящий, талантливый, вернее — гениальный, живет в пищенской обстановке, по временам буквально не имеет возможности утолить голод».

Несмотря на тяжелые условия и многочисленные заботы, Георгий Валентинович с первых дней эмиграции жил деятельной, полной глубокого общественного смысла, кипучей жизнью.

Кроме литературной работы, связанной с пропагандой идеи социализма, он пристально изучает рабочее движение европейских стран, активно участвует в деятельности революционных организаций, часто

выступает с публичными лекциями, ведет обширную переписку с многочисленными друзьями, деятелями революционного движения.

К марксизму

В разносторонней и кипучей деятельности Плеханова в первые годы эмиграции первостепенное место было отведено глубокому и страстному изучению трудов К. Маркса и Ф. Энгельса.

Впоследствии Георгий Валентинович восторженно писал о том благотворном влиянии, какое оказали на него и его друзей сочинения Маркса и Энгельса: «Тот, кто не пережил вместе с нами то время, с трудом может представить себе, с каким пылом набрасывались мы на социал-демократическую литературу, среди которой произведения великих немецких теоретиков занимали, конечно, первое место. И чем больше мы знакомились с социал-демократической литературой, тем яснее становились для нас слабые места наших прежних взглядов, тем правильнее преобразался в наших глазах наш собственный революционный опыт. Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического манифеста» составляет эпоху в моей жизни.

Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык».

И все же, как ни велико было влияние социал-демократической литературы на мировоззрение Плеханова, было бы неправильно считать

(как это делали некоторые исследователи), что переход Плеханова от народничества к марксизму совершился исключительно под влиянием этой литературы и рабочего движения на Западе.

Ведь сам Плеханов в 1903 году писал: «За границей только были подведены итоги тому, что было сделано и узнано нами в России».

«Сделано» — это речь идет о революционной агитации среди рабочих Петербурга и о руководстве их первыми революционными выступлениями.

«Узнано» — о замечательных качествах русских рабочих-революционеров.

Потому-то, выступая в Женеве и других европейских городах с лекциями в защиту марксизма, Плеханов всегда использовал в качестве важнейших аргументов факты из истории освободительной борьбы российского пролетариата, о которых доподлинно знал (и которые отчасти пережил) сам. «... Читал он о зародившемся в Петербурге «Северно-русском рабочем союзе», о первых стачках на Хлопчато-бумажной мануфактуре и на других заводах; он также знакомил нас с организацией «Земля и воля»...

«Несмотря на то что эмиграция того времени была богата знающими, выдающимися людьми, другого лектора, равного Плеханову по эрудиции, красноречию, не было», — вспоминала одна из слушательниц лекций Плеханова.

В 1883 году бывшие чернопередельцы П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, В. Н. Игнатов во главе с Г. В. Плехановым создали в Женеве группу «Освобождение труда», которую В. И. Ленин считал «и основательницей и представительницей, вернейшей хранительницей научного социализма в России».

***

Г. В. Плеханов прошел сложный и противоречивый путь. Не поняв исторического смысла эпохи империализма и пролетарских революций, Плеханов накануне первой русской революции перешел на сторону меньшевизма. Отчасти это объясняется влиянием реформизма, особенно в западноевропейском рабочем движении. Но главная причина отхода Плеханова от революционного марксизма — отрыв от практических задач российского революционного движения, рабочего класса.

«К сожалению... — писал в 1928 году П. Н. Лепешинский, — уже в период его (Плеханова. — В. Г.) сотрудничества с Владимиром Ильичем по старой «Искре», все более и более начинала сказываться одна особенность его жизни, которая впоследствии стала источником большой трагедии великого человека. Оторванный от русской жизни, пребывая многие годы в эмиграции, не связанный непосредственно с рабочими массами России, имея представление о выросшем русском пролетариате только понаслышке, только по печатным источникам или по

беседам с забредавшими к нему в Женеву соотечественниками, он мало-помалу перестал чувствовать и понимать подлинную живую действительность... Не понял он смысла, значения и уроков первой русской революции. Еще меньше понял он... роль нашего Октября... Плеханов оторвался, к своему великому несчастью, от Ленина и не пошел по ленинскому пути. А все-таки он наш, он несомненно предок нашего ленинизма, и его идейное наследство было своевременно воспринято нашим пролетариатом, претворено в практику революционной борьбы... и никаким неподлинным Либер-Данам мы нашего первоучителя Плеханова не уступим никогда».

В. И. Ленин тяжело переживал отход Плеханова от большевиков. Беспощадно критикуя политический оппортунизм Плеханова, Владимир Ильич вместе с тем воздавал должное Плеханову-марксисту: «Его (Плеханова. — В. Г.) личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунизма, махистов, народников».

**Благодарная
память
потомков**

Самые яркие страницы жизни молодого Плеханова связаны с Петербургом.

Здесь двадцатилетний студент-горняк Плеханов принял решение

Памятник Г. В. Плеханову у здания
Технологического института
им. Ленсовета.

посвятить свою жизнь революционной борьбе.

Здесь он участвовал в первых классовых боях российского пролетариата.

Здесь впервые сформулировал он свои глубокие мысли об исторической миссии русских рабочих.

Город трех революций свято чтит память Георгия Валентиновича Плеханова.

На одной из центральных площадей Ленинграда, у Технологического института, в 1925 году был установлен памятник Г. В. Плеханову. Специалисты — архитекторы и скульпторы — указывают на несовершенство монумента. Например, на несоответствие масштабов фигуры Плеханова и рабочего со знаменем на постаменте. Но идея памятника глубоко верна: лучшее в жизни, борьбе и наследии Плеханова неразрывно связано с тем, на что вдохновила его самоотверженная борьба российского пролетариата.

Есть в Ленинграде и дом Плеханова (двухэтажный особняк на 4-й Красноармейской улице), где хранится рукописное наследие выдающегося пропагандиста марксизма, собранное воссидно благодаря заботам В. И. Ленина. После смерти Г. В. Плеханова его личная библио-

тека и рукописи находились в Женеве и в Сан-Ремо. Поручая А. В. Луначарскому взять на себя организационную сторону приобретения архива Плеханова и доставки его в Россию, В. И. Ленин писал: «...нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма».

В ознаменование столетия со дня рождения Г. В. Плеханова «и учитывая его заслуги в российском и международном революционном движении, его роль как первого выдающегося пропагандиста марксистских идей в России и борца за научное материалистическое мировоззрение», Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1956 года имя Г. В. Плеханова было присвоено Ленинградскому ордену Ленина и Трудового Красного Знамени Горному институту.

Именем Плеханова названа примыкающая к Казанскому собору улица, над которой в 1876 году после пламенной речи двадцатилетнего студента-горняка взвилось красное знамя первой политической демонстрации русских рабочих.

СОДЕРЖАНИЕ

Партийные билеты В. И. Ленина Георгий Куций	5
История известной картины Илья Быстров, Василий Карпущенко	8
«И прозван был Невский...» Анатолий Нутрихин	20
Открытие Северной Венеции Инна Рудницкая	38
Дом академиков [Георгий Князев]	79
Основатель Петербурга Владимир Мавродин	93
«Обед в книжной лавке Смирдина» Ольга Перцева	95
Парад современников Пушкина Граната Назарова	112
«Деревянный альбом» А. И. Куприна Наталья Фонякова	122
Александр Блок в последние годы жизни Леонид Долгополов	125
Соратник Карла Маркса в Петербурге Эсфирь Корольчук	162
Авиатрисса Сергей Чаплин	177
Щедрость таланта Яков Волохонский	199
Великому баснописцу Вячеслав Нестеров	202
Молодой Плеханов Варвара Герасимова	232